

Владимир
Аристов

РУССКИЙ
ГЛЛЛВЕР

ИМЕНА И ЛИЦА В МЕТРО

Владимир Аристов

Имена и лица в метро

НП «Центр современной литературы»

Аристов В. Н.

Имена и лица в метро / В. Н. Аристов — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-075-4

В новой книге стихов «Имена и лица в метро» Владимир Аристов говорит об условиях совместного пребывания «здесь и всегда, везде и сейчас», о необходимости увидеть Другого, а может быть и открыть его настоящее, истинное имя; поэтическое совместное бытие – образ реального мира будущего со всеми его конфликтами и проблемами.

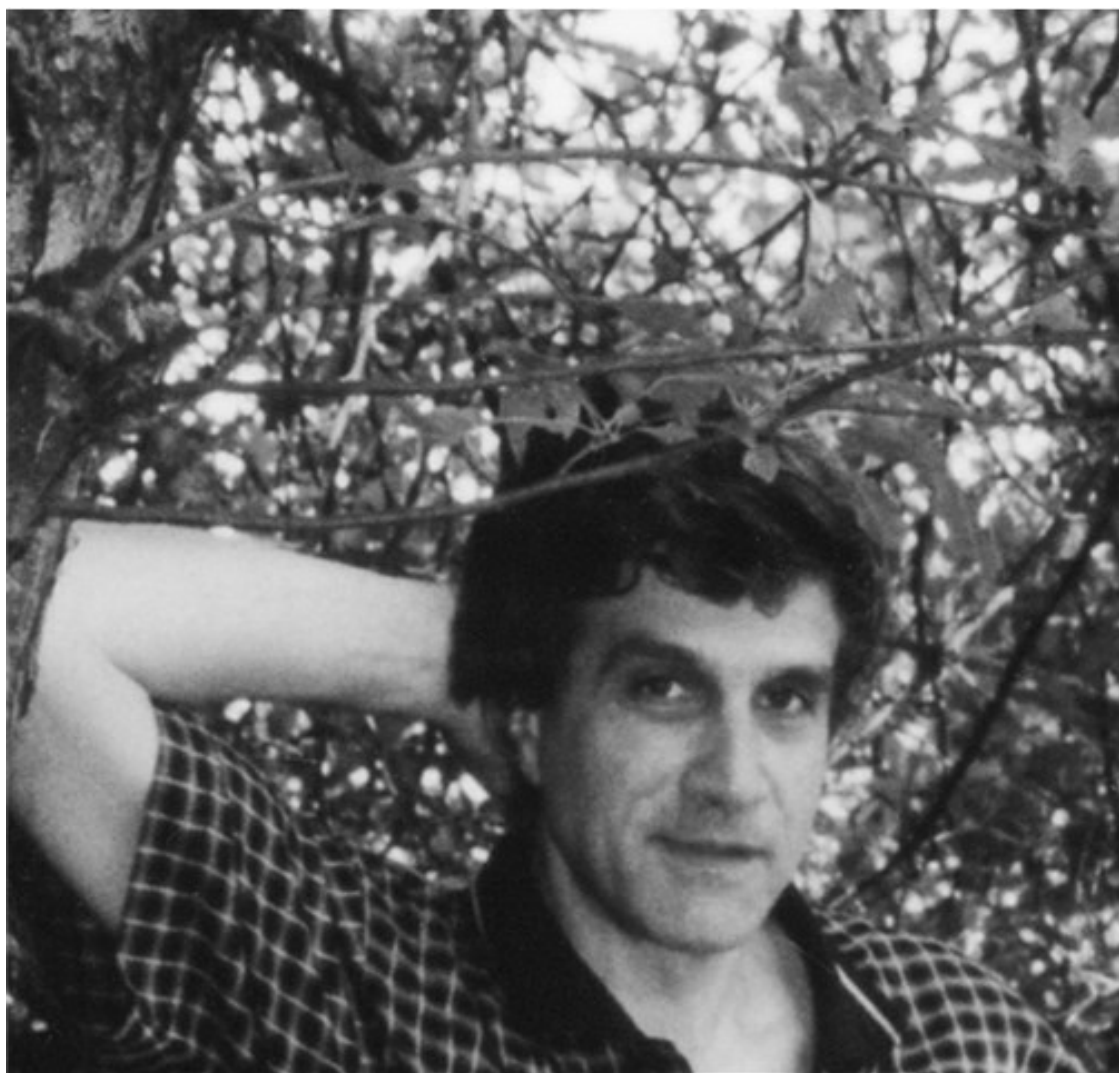
ISBN 978-5-91627-075-4

© Аристов В. Н.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Пространство именованя	6
«... перелищуют пальто...»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Аристов Имена и лица в метро

Владимир Аристов. Родился и живет в Москве. Начал активно писать стихи с 1967 г., печататься – с 1987 г. Автор стихов, эссе, статей, опубликованных в журналах «Родник», «Юность», «Волга», «Комментарии», «Арион», «Воздух», «Новый мир», «Уральская новь», «НЛО», «Вопросы литературы» и др. Автор семи поэтических книг. Стихи печатались в отечественных и зарубежных изданиях, переводились на другие языки, входили в различные антологии. Автор рассказов и романа «Предсказания очевидца» (ОГИ, 2004). Лауреат литературных премий, в том числе – им. Алексея Крученых (1993), им. Андрея Белого (2008). По основному образованию физик и математик (закончил МФТИ, доктор физ.-мат. наук, автор 150 научных трудов, в том числе трех монографий). В теоретических работах пытается совмещать методы точных и гуманитарных наук (статьи о сходной структуре метафоры и физического уравнения). В последние годы готовит к публикации сборник эссе и статей под названием «Idem-forma».

Пространство именованя

В стихах Владимира Аристова формируется пространство, терра инкогнита, земля полубитания, сотканная из тихого шелеста падающей листвы, кружения взгляда, длительного и неторопливого стука мотора катера, прикосновения, которое все длится и длится, хотя ему давно уже пора в обычном времени закончиться, но оно, касание, продолжается и тогда, когда заканчивается, потому что то, что в этих стихах началось, началось задолго до них, и то, что в них кончилось, ясно, что не закончится никогда.

Странный мир...

Незнакомый? Да нет же, в том-то и дело, что очень знакомый. Такое ощущение, что этот мир знаком не только тебе, но и всем окружающим, только вот непонятно откуда – то ли приснился всем сразу, а потом всеми сразу забылся, то ли снится тогда, когда читаешь эти стихи.

Если обратить внимание на некоторые формальные стороны поэтики этой книги – давайте зайдём для начала отсюда – то удивит количество слов, означающих повторение, повтор, многократность – «вновь», «опять», «иногда», «снова», а также ситуаций повтора, возобновления.

«Но на сцене иногда думал
вот вечер кончится»

(Отшумевшие аплодисменты),

«...и в повторе как песня
вытянет, вызовет во всю длину жизнь
жизнь твою вечную»

(30 апреля)

«На Еромолаевской и Благовещенской
ты стоял тогда и сейчас...»

(Переулоч)

«Если изломанный зонт
загорится вторично как солнце-витраж...»

(Брошенный зонт на улице Доб в Пеите)

«Разорвать повторенье такое имен – это выше временных сил...»

(Памяти А. Ю.)

«...возникла вдруг опять»

(australis)

Я не буду перечислять дальше. Итак, первое, что в этой полу-сновидческой тера инкогнита может быть замечено и определено в работе по освоению-узнаванию, по уточнению ее

топографши – это повтор. Причем повтор может быть назван явно, но может и подразумеваться, как мы подразумеваем без слов, что через семь дней мы окажемся в том же дне недели, в котором находимся и сегодня. Но в том же ли? Не будет ли это совсем другой, другой день недели? Не будет ли это совсем другая часть нашей жизни, с другими людьми вокруг, с другими машинами на улице, мыслями в голове и дыханием на губах. Да, конечно, конечно, и все же это будет снова ваша пятница, и все, что с вами произойдет через неделю все равно произойдет в пятницу, и, знаете, если уж вдуматься как следует, кто вам сказал, что это будет другая пятница. Если вдуматься как следует, то вам со временем станет совершенно ясно, что это и есть та самая пятница, просто мы в нее то заходим, то выходим, потому что, как говорят некоторые мудрецы, – время стоит, это мы движемся через время, как через озеро вброд, и в результате возникает иллюзия движения времени –

*«все обещания исполнены
мы движемся
мы неподвижны
на пароме словно в ладье с огнями по бортам
память прерывается в этом томительном
мутно-зеленом море...»*

(Поездка на острова)

Если исходить из формулы «мы движемся мы неподвижны», а я надеюсь, что Владимир Аристов, физик и доктор наук по второй специальности, простит меня за некоторую суховатость подхода и за отношение к словосочетанию как к формуле, – так вот, если оттолкнуться от этого парадоксального сочетания, то – зададим себе вопрос –каковы должны быть условия, удовлетворяющие этой посылке? Ответ ясен – круговое движение. В тот момент, когда идущий по кругу «предмет» оказывается там же, где и был, он может констатировать, что он остался там же, где и был, а следовательно в этот миг он неподвижен, он на том же самом месте. А память в этом томительном кружении «прерывается» и в этот и в каждый другой миг кружения.

Я всегда подозревал, что с «Вечным возвращением» Ницше дела обстоят не так просто, как это описывается у Борхеса, например: «Он (Ницше) избрал героический способ: откопал чудовищную гипотезу о вечном возвращении и попытался превратить этот интеллектуальный кошмар в повод для ликования. Изыскал самый ужасающий образ вселенной и предложил людям восхищаться им». Интеллектуал Борхес, т.е. человек, живущий, в основном, в мире чужих мыслей и умственных конструкций, увидел в вечном возвращении лишь то, что с точки зрения логики и рассудка выглядит, действительно, чудовищно. Но логика и рассудок для Ницше были лишь подручными средствами – главным была божественная интуиция. И с ее точки зрения дело обстояло иначе. Ницше писал, что ему нужно десять лет, чтобы доказать свой тезис вечного возвращения, и поэтому он предпочитал на эту тему не говорить, и писал крайне скупно. А чтобы постичь смысл возвращения ему потребовался лишь миг, прошедший его на лесной тропинке у Сильвапланского озера. Но разве он не знал, что и пифагорейцы и стоики уже писали о вечном возвращении? Конечно, знал. Но у него было свое глубоко личное переживание этой ипостаси Бытия. Скорее всего, философу открылась вечность. Если можете, остановитесь сейчас. Представьте, что эта книга, которую вы держите перед глазами, этот белый лист, ситуация, в которой вы сейчас находитесь, вы сами, читающие эти буквы – уже были. Причем не один раз, а бесконечное количество раз, немислимое, не поддающееся счету количество раз, как не поддается счету бесконечное пространство, в котором расположены бесконечные галактики. И тогда этот бесконечный повтор начнет превра-

щаться во что-то очень простое, не дробное, во что-то единое и завораживающее, подобное той самой пустоте, в которой размещается бездонное звездное небо.

«Повтор», сливаясь сам с собой, сам себя бесконечно расширяя, начнет превращаться в бездонный и ничем не ограниченный миг «сейчас».

И другого мига в вашей жизни просто не бывает.

И все, что вы помните из прошлого, произошло с вами в миге «сейчас». И все, что случится с вами в будущем, вновь случится с вами в том же самом миге «сейчас». Ибо это наша единственная среда обитания. Невозможно обитать во вчера или через минуту.

Вечный повтор Ницше, скорее всего, форма описания того самого бездонного «сейчас», которое было всегда, и поэтому можно говорить о вечном повторе. Вернее, можно говорить о бесконечной значимости вещи, тихо и неприметно уточняющей себя миллиарды разов. Можно говорить о «всегда» вещи. В миг глубокого созерцания становится ясным, что созерцаемая вещь существует – всегда.

Так и должно быть в раю или в государстве поэтов. Но память о нем утрачена, территория его ушла под воду –

«Платон изгнал поэтов такого-то числа
такого-то века
империя поэтов – Атлантида
и рухнувшая люстра в глубинах морей...»

(Тропой Рильке)

Вместе с памятью и возможностью через созерцание вернуть себе эту память ушли истинные имена, способные вызвать «выпуклую радость узнавания». Мы называем предметы неправильно, мы видим друг друга искаженно через невыправленные слова, через подраненные, затемненные имена, и поэтому мы не в состоянии даже разглядеть, «опознать» друг друга.

«Во многих местах мы не опознаны – здесь и сейчас.»

(Тропой Рильке)

А раз мы неопознаны, то живем в блужданиях мысли, в памяти, в ассоциациях, в переключках идей, в культурных ауканьях и фантазиях.

«Телесная граница в воздухе
и растворенье правды
ведь вечность, как бумага
размокшая и исчезающая в ручье

трудно выполнить
Легко произнести —
нелегко исполнить»

(Бейхай-парк)

Слова нашего мира чаще всего не сочетаются с действиями, тем самым превращаясь в бессильные цитаты. Речь сегодня сочетается с действием примерно как призывы священника к любви христианской, которой он никогда в своем личном опыте не переживал, но «по должности» говорит о ней с кафедры как знающий. Имена не соответствуют называемым предметам, людям и событиям. Идет вселенская шизофрения, против которой восставал еще Конфуций, призывая к «исправлению имен» не как к лингвистической процедуре, а как к

действию практическому, без которого страна и государство да и люди в нем не могут быть благополучны. К совмещению слова и дела.

«И мешают восприятию разошедшиеся тени, самостийные тела...»

Поэтому Аристов боится имен. Он избегает давать событиям или предметам правильные имена, но подобно реставратору все время находится в процессе восстановления рельефа «страны поэтов – Атлантиды». Он осознает невозможность чистого имени в мире, утратившем свойство «опознавать», но не отчаивается, потому что прозрачный и безупречный как слюда, как кристалл, миллионкратный и вечный повтор содержит в себе педагогику научения: ибо мать учения – не что иное как он сам. Именно в чистом повторе, в его медленной длительности и закодировано глубинное имя любого события, любого прилива, острова, груши, отеля, прилива, скатерти. А сделать явным повтор – это уже шаг к истинному имени. Поэтому, может быть, не стремление обозначить «повторяемость» мира движет поэтом, а скорее, побеждающее и тонкое желание проникнуть в тайну имен, а следовательно, в тайну реальности. Потому что только поэт чувствует и знает, что слово и вещь – одно, что «слово кудесника – вещь» (П. Флоренский). Но этого, последнего шага Аристов не делает, оставляя серебряное зияние между словом приблизительным и именем вещи, которым оно стремится стать.

«...потому что в печурке осенней
разгорается будущее
повторенное так, что не скучно
жить ему –
сейчас лишь перерыв в бытии».

(Брошенный зонт на улице Доб в Пеите)

Перерыв в бытии, область зияния, куда может войти поэт, чтобы вернее приглядеться, прислушаться к тому, что происходит только для того, чтобы понять, что область повтора-дления в сочетании с выражением его в слове разрывает механистичность («чуждо-вищность» по Борхесу) повтора и превращает его в «сейчас и здесь» – в вечно новую область бытия, в начало всякого истинного имени, в его, имени, можно сказать, пульсирующий источник, единый и для вещи, и для слова, которым эта вещь обозначается. Событие должно быть произнесено, должно продавить пласт речи до имени, чтобы история продолжалась.

Если изломанный зонт
загорится вторично как солнце-витраж
Если не выразить – значит не выбросить его
никуда
потому что в печурке осенней
разгорается будущее...

(Там же)

Поэтику своего творчества Аристов расшифровывает в ряде статей, посвященных понятию *idem-forma*. Поэт сам признается, что окончательная формулировка этого термина ему пока что не дается, но уже ясно, что термин означает некую форму, единую для двух и больше неодинаковых вещей, в которой эти вещи встречаются и обретают реальное единство. Так он сопоставляет далекие на первый взгляд стихотворения Мандельштама и Блока, и обнаруживает в них не только знакомство друг с другом на уровне заимствований, но и единство на очень глубинных, тонких планах, словно одно стихотворение в момент зарождения прекрасно знает и помнит все подробности о своем близнеце, видит в нем – себя.

Пост-структурализм как проект, завершаясь, оставил впечатление мира как расколотой посуды и тщательный интерес ко всем черепкам, осколкам, трещинкам, царапинкам, фрагментам, разъятым словам, нецелым буквам. Аристов, обходясь очень тщательно с лучшим, что досталось 21 веку от теоретиков и практиков постмодерна, тем не менее, решительно отправляется на поиски единства мира. Вернее, как это следует из его статей, он пытается совместить демократическое внимание к частности, «к трещинке» с нахождением нового единства происходящего. Мироощущение в модусе идем-формы он и видит как выход из положения, за которым располагается новая культура и новые возможности мировоззрения.

Пристально глядя в мир, в его безукоризненное дление, поэт все чаще приходит к обнаружению неких форм, в которых сходятся несколько культурных объектов, более того, в этих формах разные сущности искусства ведут себя как одно существо – обретают природное единство. Это честное движение от раздробленного мира к единому поэт проделывает на свой страх и риск и единственно возможным для него путем. Он отработывает свой экзистанс. Его определение лучше всего может быть формулой, принадлежащей Аристову – «увидеть в лице другого человека себя самого». Мне кажется, что поэт осуществляет процедуру происходящую с другой плоскости монеты, по отношению к тому, что делает Ричард До-кинз с его мимессами, перепрыгивающими из одного «культурного резервуара» в другой.

Когда ты видишь в лице другого человека себя самого – ты находишься в идем-форме, где вы – одно, не потеряв при этом самих себя. Такое состояние христианство называло божественной любовью, и, кажется, про него же современный буддийский святой Тик Нат Хан написал удивительные слова:

Если мы собираемся съесть кусок хлеба, если мы внимательны, если здесь присутствует Святой Дух, мы можем съесть этот кусок хлеба так, что это позволит нам по-настоящему соприкоснуться со вселенной. Кусок хлеба содержит в себе солнечный свет. Это не трудно заметить. Если бы не было солнечного света, не было бы куска хлеба. Кусок хлеба содержит в себе облако. Поэтому, когда вы едите кусок хлеба, вы едите солнечный свет, вы едите минералы, время, пространство, все. Одна вещь содержит в себе все.

Аристов с большим вниманием относится к формам, которые позволяют вместить в себя все, причем, более явно и материально опознаваемо, чем глубинное созерцание буддийского мастера.

Таковыми формами для него могут быть города, пейзажи, местность, которую он стремится сначала воплотить в стихе, как это было до нашей совместной поездки в Нью-Йорк, а потом уже увидеть наяву и снова описать. Тем самым создав два стихотворения с одной идем-формой – вполне реальным Нью-Йорком небоскребов и парков. По большому счету это поиск омонимов бытия – форм, в которых разные значения сливаются в одно средство выражения. В том месте, мы с тобой, такие разные, такие далекие, на время – одно, как поля ржи и поля шляпы встречаются в единой оболочке слова. Отсюда его страсть к каламбурам, которой он наделяет любимого героя своего романа. Отсюда его отношение к городу, к топосу как к форме стиха. Отсюда его двоения предметов в стихе, когда они то встречаются в омонимической форме, то расходятся снова, как описанные им двоящиеся сосновые иголки. Люстра становится Атлантидой поэтов, а две комнаты в Дуино – в доме наверху и на побережье стремятся слиться в одну.

Можно ли выразить невыразимое? Да настоящая поэзия только этим и занята. Но часто за потоком слов забывается их невозможность. Невозможность точного именованья в потоке. И если писатель талантлив, он превращается в больного, одержимого манией цитатного и полуцитатного письма, производя на свет даже пользующуюся спросом продукцию. Но для того, чтобы слово вернулось к себе, к первоисточку своего имени, стало словом реальности, а не цитаты, ему, во-первых, необходимо «исправленное состояние», подтвержденное делом – всем образом жизни говорящего, а во-вторых, ему нужна тишина. Безмолвие – другое

название Бытия «здесь и сейчас», откуда слова истекают и куда они уходят. Бесформенная форма, из которой только и можно увидеть, что по-настоящему и единственно радостным и полным образом я существую в тебе, а ты – во мне. Что мы – единокровны.

но предназначено мне иное
отделяясь словно во сне

уходя белогривыми величественными садами
фигурами накрёнными на краю балюстрад

уклонение в это время невесомости взгляда

благодарность

за видимое твое безмолвие
единокровности новой сродни

Андрей Тавров

«... перелицуют пальто...»

... перелицуют пальто

это подсветка высотки
точные гостиницы «Украины» края
тот нежный отверженный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.